

Даниил Божин

Баллада о настоящей любви

Она никого и никогда не любила.

Она так никого и не полюбила, что, впрочем, было не её виной и уж тем более не тех, кого она могла бы встретить на дороге жизни. Вина лежала целиком и полностью на мне. Простите, я сказал в прошедшем времени? Прошло пять лет с тех пор как мы виделись в последний раз, но равным счётом ничего не изменилось – вина остаётся на мне. И будет оставаться, пока я не поставлю последнюю точку в нашей истории.

Возможно, вы подумаете, я преувеличиваю, говоря, что Нона никогда не любила, решив, что она любила до меня. Но вы ошибётесь. Да, безусловно, она любила родных и друзей, мятную жвачку и быть может паренька из высшей школы, но эта не та любовь, о которой мечтают поэты, не та, ради которой живу я и, наверное, вы. Настоящая любовь приходит позднее, чтобы остаться с нами навсегда, быть проводником в жестоком, неправильном мире.

Настоящая любовь никогда не пришла к Ноне. Я знаю, и забыть не могу: каждый божий день передо мною живой укор.

Я расскажу вам о ней, о настоящей любви, что приходит в одинокие сердца, принося вместо долгожданного тепла лишь боль и разорение. Потому что в начале всегда находится она – любовь, – только вслед за ней смерть. Любовь рождает смерть, ведёт к смерти, а настоящая любовь... мы знаем о ней не больше, чем о настоящей смерти.

Когда приходит зима и укрывает белым покрывалом землю, люди стремятся к уединению. Я знал это ещё мальчишкой, катаясь с ледяной горки вечерами, когда остальные дети, замёрзшие, но счастливые, уходили домой. Мне нравилось одиночество и холодный свет звёзд, украшавший пустынный пейзаж. Звёзды словно говорили со мной, рассказывая удивительные легенды, отправляя мою фантазию до самого края мира и дальше. Звёзды стали моей первой любовью и летом, когда я вместе с остальными детьми, предавался безудержному счастью, я втайне мечтал об их холодном свете.

Позже, вступив в тот возраст, который взрослые называют юностью, я забыл и звёзды и то тайное очарование, что внушали мне они. Жизнь реальности закрутила меня, унеся прочь от края мира и того, что находится за ним. Восемнадцатилетним людям очень тяжело предаваться одиночеству, но если это всё-таки происходит, немедленно ведите их к психиатру. Одиночество – такая же болезнь как зимний грипп. А может, и того хуже.

Наша первая встреча с Ноной состоялась снежной зимой 2002 года. Я помню всё как сейчас, помню медленно падающий снег, спокойствие и безмятежность первого дня зимы. И конечно я помню Нону.

Она появилась в моей жизни внезапно, всего на несколько минут, но это короткая встреча навсегда изменила мою жизнь. Я забыл её, как и весь тот день, совершив непростительную ошибку, но только так, пусть временно, мог заглушить всеобъемлющее чувство вины. А спустя десять лет воспоминания вернулись... вместе с Ней.

Первого декабря 2012 года, впервые за несколько лет повалил снег. Не какой-то там мелкий снежок в виде мельчайших крупинок, а настоящий, пушистый. Я сидел на кухне, пил чай, поглядывал на старенькие ти-ви (по которому крутили не менее старенькое «Колесо и фортуны»), и испытывал странное чувство *deja vu*, будто всё это уже было где-то, когда-то, с кем-то.

Зазвонил телефон. Сработал автоответчик и после длинного гудка, в комнату полился мелодичный голос девушки: «Билл, думаю, вам следует приехать прямо сейчас. У вашей жены начались схватки».

Неспешно допив чай, я принялся собираться, время от времени бросая восхищённые взгляды в окно, где падал и падал снег. Почему-то это напоминала мне детство, где всё неспешно и значительно. Забавно, но я совсем не думал о Сьюзан и нашем малыше, будто они существовали во сне, готовом рассеяться по утру с приходом утренней газеты и поджаренных тостов. Все ли мужчины чувствуют такую отрешённость перед тем как стать отцами? Этого я не знал.

Закрыв дом, отправился в гараж, где дожидался очередной прогулки верный «Лендровер». Завёл машину, прогрел и вывел на подъездную дорожку. А пока закрывал гараж, взгляд не мог оторвать от сыплющихся хлопьев снега. Дорога мне предстояла примерно в час длиной и с каждой минутой этот час растягивался на двадцать процентов, но очарование Зимы полностью завладело мной. Я смотрел на серое небо, наслаждаясь холодным прикосновением ветра и льда, открыл рот и поймал несколько снежинок на язык. Ощутил их ледяной вкус. Так бы и стоял с открытым ртом, пока не занесло снегом до самого горла, если бы не проезжающий мимо сосед, посигналивший в знак приветствия. Я вздрогнул как от удара. Задумался, а что это на меня нашло, и пошёл к машине. Всю дорогу по Гейлу ощущал во рту холодный вкус льда.

В Бангор, где располагалось родильное отделение штата Мен, от Гейла, небольшого городка, уютно примкнувшему к озеру Ист, на берегах которого Голландские переселенцы строили первые лесозаготовливающие артели, вели две дороги. Первоначальная трасса шла не по прямой, кою можно было мысленно начертать между двумя городами, а по линии высоковольтных передач и заходила в городок Касл-Лей, с населением не больше тысячи доживавших свой век динозавров. Длинной она была миль в девяносто и представляла интерес лишь для туристов, которым не терпелось взглянуть на красоты Восточного Мена. Лет двадцать назад, через Ист-ривер, проложили мост и открыли прямое шоссе, сократив дорогу вдвое. Однако, этот путь был и наиболее загруженным. Решив, что лучше поехать в обход, чем стоять в километровой пробке, я повернул на Запад.

Дорогу выбрал весьма удачно – пока выезжал из города всего две машины проехали мне на встречу и лишь одна в том же направлении, что и я.

Когда наконец-то оказался на автостраде и устремился в сторону Касл-Лея, видимость сократилась до двадцати метров, что никак мне не мешало. Наоборот, мне хотелось смотреть и смотреть на падающий снег, мечтать выйти из машины, пойти куда-нибудь в поле и лечь, укрывшись снежным одеялом. Кажется, уже тогда я догадывался о предстоящей встрече и пытался отсрочить её всеми силами. Я не вышел из машины, не убежал в поле, но стал мало уделять внимание дороге, отдавшись созерцанию белоснежного великолепия. Я ни о чём не думал, ни о чём не мечтал (разве что о поле), пребывая в радужно-бессознательном состоянии, и порой так забывался, что не помнил, где находился. Встретиться мне по дороге какая-нибудь машина, всё могло закончиться не так трагично. Машин не было, машины стояли в гаражах и на стоянках, припаркованные к обочине и занесённые снегом на улице, а их водители были с детьми и жёнами, любовницами и друзьями или одни. Потому что Зимой всегда хочется одиночества.

Когда я увидел её во второй раз в жизни то подумал, что сплю.

Однажды мне приходилось засыпать за рулём, поэтому это не метафора. Я только – только начал осваивать автомобиль, учился и работал одновременно, не мудрено, что дрых где попало. Но тогда я сразу понял, что заснул, а сейчас, в мгновение, когда машина выехала из-за очередного холма, не смог отличить где заканчивается реальность и начинается сновидение. Я видел её не более трёх секунд, девушку, очень красивую девушку, стоящую у обочины с поднятым большим пальцем, а затем пронёсся мимо обдав её вихрем снега. Она исчезла и вновь перед лобовым стеклом, распростерлась картина заснеженных сосен, склонившихся над дорогой в молчаливом поклоне. Только любопытство (интуитивное, ибо разум сразу списал видение на игру воображения) заставило меня взглянуть в зеркало бокового обзора: в нём отразился расплывчатый силуэт, быстро исчезающий в сгущающемся снегопаде. Я так резко начал тормозить, что чуть не вылетел на обочину, но когда остановился начал хохотать. Конечно, получилось весьма глупо. Девушка – не сон, а самая повседневная реальность миллиарда дорог по всему свету. Да и вы каждый день можете видеть их, разъезжая по стране. Они стоят на обочине, иногда группами, но чаще всего по одиночке, тормозя все проезжающие мимо машины (за исключением полицейских, но те останавливаются сами), предлагая себя. Очень дёшево, кстати, по городским меркам. Девушки от пятнадцати лет и женщины после сорока из безжизненных посёлков и медленно умирающих городков, стоящих с появления первых дилижансов и будущих стоять, пока всё человечество не переседет на машины с антигравитационными двигателями. Они дёшевы и бесправны. Их избивают, насилуют и убивают. Но они всё равно стоят, потому что знают: добрых людей в мире больше. Водителей дальнбойщиков, с детьми и уважением, с опостылевшими жёнами и надоевшей работы, требующих обыкновенной разрядки. Готовых за это заплатить.

Все эти мысли пронеслись в голове, пока я сидел и смеялся. Безусловно, это не главная трасса, где подобные девушки просто пасутся и время явно не подходящее, но с другой стороны... Трасса объездная, пользуются ей в основном местные жители, а в такую погоду бандиты издеваются над кем-нибудь в тёплом подвале. Какой-нибудь водитель из Касл-Лея или Касл-Рока, едущий по делам в Бангор, может задержаться ненадолго, скоротав время с девушкой из Гейла или Мемфиса или какой-нибудь другой местной деревушки, списав позже свою задержку на непогоду. А девушке из Гейла или Мемфиса всего то и надо пару баксов, чтобы помочь стареньким родителям и, возможно, ребёнку, рождённому без мужа. Девушка будет несколько застенчива, но готовая практически на всё: она прекрасно знает как опасны пустынные шоссе, протянувшиеся от горизонта до горизонта, но ещё больше её пугают города, где здания скребут небо и об подножья разбивают судьбы.

Дверь со стороны пассажирского сиденья отварила, и мой смех как ножом отрезало.

Секунду, за которую улыбка сошла с губ, никто не появлялся, а потом, вместе с пронизывающим холодом в салон заглянула девушка, прекрасней которой ещё не видели глаза на нашей планете. Вы скажите – это глупость. Всегда есть кто-то красивее, вы знаете это потому, что ваша жена – самая красивая на свете, ваша девушка – самая сексуальная, и ничто не может быть красивей тех красоток, что вы скачиваете с Интернета или представляете в своём воображении. Вы не думаете, что ко мне в салон заглянула мисс Вселенная – и правильно делаете. Рядом с этой девушкой мисс Вселенная рвала бы волосы от зависти. Её лицо было без всякого макияжа, но это лицо тысяч намакияженных моделей, улыбка, просящая, чуть застенчивая, таила в себе и загадку и глубины страсти. На девушке была лёгкая осенняя курточка невзрачного серого цвета, полностью соответствующая образу, нарисованному моим воображением, но глаза девушки, заставляли куртку сверкать. Знаю, вы не поймёте меня, но вы не видели этих бездонных серых глаз, в которых таились тысячи опасностей, тысячи загадок и тысячи притягательных искорок. Глаза, в которых вовсе не было той развратно-просящей требовательности, что свойственна девушкам дорог. И глядя в эти глаза, я влюбился.

Кто-то верит в любовь с первого взгляда, а кто-то нет. Но бывает ли иная любовь, кроме как с самого первого взгляда? Наверное, да, но эта не та любовь, о которой мечтают поэты, и не та, ради которой живу я и, наверное, вы. Настоящая любовь как молния на безоблачном небе – неожиданная, ослепляющая. Вы можете потерять зрение под конец грозы, но это предсказуемо, даже ожидаемо, а можете быть застигнутыми врасплох, совершенно беспомощными, непонимающими своей слепоты. Тогда, глядя в эти серые бездонные глубины, я ещё не знал, что влюбился, осознание этого факта придёт позднее, но весьма скоро.

– Ты не подвезёшь меня до Бангора? – нарушила затянувшееся молчание девушка.

Поразительный у неё был голос. Мелодичный, проникновенный, без наигранной звонкости, он обволакивал как мятный ликёр и переливался словно горный хрусталь. В её голосе прозвучали лёгкие крапинки смеха, но не ироничного, а озорного, выдающего натуру весёлую и подвижную. Замёрзшая, остановившая машину посреди безлюдной дороги в стране, где число убийств и изнасилований таких вот девушек как она выбралось на первое место в мире, она позволила своему голосу быть таким, каким женщины одаривают мужчин лишь в определённые моменты, говоря: «Спасибо, милый».

– Пожалуйста, – попросила девушка, следя за моим ступором. Конечно, думал я, она привыкла к такому отношению. Её красота не раз становилась причиной множества проблем и за свою жизнь она видела с сотню застывших в ступоре молодых людей. От этой мысли, от того, как могло подумать обо мне это прекрасное создание, стало неприятно.

– Садись, – каким-то чудом вымолвил я.

Она села и закрыла дверь. Я пытался взять себя в руки и с внимательным интересом изучал дорогу, видимую в свете фар метров на пятнадцать. Голос разума говорил, что пора перестать валять дурака и двигаться, но голос был слабым и беспомощным. Я боялся смотреть направо, опасаясь не того, что мог увидеть, а того, чего там могло не оказаться. А вдруг девушка и вправду приснилась мне? Разубеждая меня, девушка сказала:

– Ты не мог бы сделать печку теплее? Я продрогла до костей. – Я не видел ее, но догадывался, что при этих словах она улыбнулась.

Не оборачиваясь, прибавил тепла. А потом её рука коснулась моего плеча (*как близко она села*), едва не вырвав из груди вздох, и я обернулся.

– С тобой всё нормально? – сказала это сокровище, всё так же загадочно улыбаясь.

– Всё о'кей, – улыбнулся и я. И не мог больше не улыбаться, поскольку её рука так и не покинула моего плеча.

– Может, поедим? – предложила девушка.

– Поедим? – Я задумался, а когда она рассмеялась, поддержал её смех.

– Поедим потом, а сейчас езжай.

Тяжёло было сосредоточиться, вы понимаете о чём я. Глупо улыбаясь, пытаюсь не бросать восхищённые взгляды на её лицо и фигуру, я выехал на середину дороги, ориентируясь исключительно по разделительной полосе. Моя пассажирка убрала руку, оставив меня со странным чувством раздавленности и потери. Она всё так же слегка улыбалась, смотрела в боковое стекло, где не было видно ничего, кроме падающего снега. С минуту или полторы мы ехали не разговаривая, а потом в салоне заметно потеплело и девушка сняла куртку, под которой была блузка серебристого цвета, а под блузкой...

Как же легко она одета, думал я, краем глаза следя за дорогой. Ещё чуть-чуть и точно бы замёрзла.

Девушка потянулась, с наслаждением похрустев косточками, блузка, бывшая на размера два ниже требуемого, натянулась до предела.

– Красиво, правда? – поинтересовалась девушка, не отпуская мой взгляд.

Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но не понял, что именно, и закрыл.

– Падающий снег, – уточнила она. – Так красиво... или ты больше любишь лето?

Если бы я и дальше смотрел в бездну её глаз, мы бы верно разбились, вылетев с близлежащего холма.

– Красиво, правда, – очень тихо сказал я, постепенно сводя взгляд к дороге, – как и ты.

– Спасибо! – воскликнула она, словно бы нуждаясь в комплиментах.

Вот тут меня прорвало, – прошёл первый шок и я понял, что ослепляющая вспышка всего то молния – мне хотелось задать тысячу вопросов, но из них только один имел для меня значение.

– Как тебя зовут?

– Нона, – лёгкое слово, сопровождаемое лёгким взглядом, лёгкое прикосновение руки к плечу. Поглаживание. – А тебя?

– Билл, – произнёс я и добавил: – Билл Фаннин.

– Фаннин? – казалось, она искренне поразилась: её глаза, и без того огромные, расширились, ресницы дрожали, смешинка вдоха проскочила мимо алых (без всякой помады и хирургии, алых и пухлых, настолько пухлых, что наводило на разные мысли, но при этом весьма гармонично смотревшихся на полукруглом лице) губ, раздвинула их, позволила воздуху достичь лёгких и вызвала яркий взрыв оптикающе-сверкающего смеха.

– Ага, забавно, – кивнул я. – А откуда ты? – спросил, потому что хотел говорить, иначе продолжал бы смотреть на неё, глупо улыбаясь.

А её рука всё поглаживала моё плечо. Почти незаметно, одними ноготками, но даже под водолазкой они заставляли нервы дрожать, а кожу покрываться мурашками возбуждения. Сомнений не было: если так будет продолжаться – я сойду с ума. Просто свихнусь от этих колюще-ласкающих прикосновений незнакомки.

– Я из Мемфиса, – ответила девушка и убрала руку с плеча, положив её на моё колено. – Гостила у родных, но задержалась, а теперь видишь, – Нона кивнула в сторону окна, за которым безумный буран закрасил все оттенки земли, неба и деревьев в белый цвет погребального савана, – погода совсем испортилась и наша старая колымага просто не смогла выехать из сугроба. – Ласкающие движения... Коготки побежали вверх по бедру, вызывая дрожь, которую не мог унять ни один рациональный ум. Ещё чуть-чуть и моё тело полностью перестало бы мне подчиняться.

Понимая, что нужно было как-то семантически прореагировать на эти по меньше мере странные движения, я повернулся к ней допустив непростительную ошибку: витавший в сознании вопрос: «Тебе нужны деньги?» тихо сдох; мозг превратился в кашу, хлюпающий бульон, не способный родить какой-нибудь разумной мысли. И всё потому, что я заметил её волосы.

Всё дальнейшее можно считать бредом сумасшедшего или сном, забавным видением бодрствующего подсознания – называйте как хотите, но я хочу, чтобы вы знали, реально ли или мифически – вам никогда не вообразить подобной дивизны. Я не обращал внимания на её волосы до того, поражённый, ослеплённый её лицом и фигурой, но когда увидел это великолепие, забыл обо всём остальном. Она была чистокровная блондинка, если можно так сказать, волосы, ниспадали двумя отдельными волнами, которые поначалу показались мне косичками и нисходили до самых колен, переливаясь, играя спектром бело-жёлтого цвета, а у самых колен, она свободной рукой теребила кончики, напоминая тем самым игривую кошечку. Ещё одну прядь, выбившуюся из потока волос, Нона немножко нервно покусывала. И в её волосах, то тут, то там, поблёскивали медленно тающие снежинки. Безумное иррационально желание нагнуться и слизать их, почувствовать вкус Её волос и холода снега на губах охватило меня. Не в силах противиться или не желая, я пригнулся, натянув ремень безопасности до предела и коснулся языком... Вот только не её волос, как ожидал, а руку, сухую и какую-то шероховатую – смеясь, она оттолкнула меня.

Я снова смотрел только на дорогу не в силах постичь всю глубину мыслей, атаковавших сознание, но, возможно, и мыслей никаких не было, только глубочайшая бездна, в которой с рёвом и свистом носились Желание и Сознание.

– Нр-нравится?? – сквозь смех выдавила она. По щекам потекли слёзы, она взяла волосы и принялась вытирать ими лицо.

Прежде чем я открыл рот, для какого-то неизвестного мне предложения, из белизны снега неожиданно возникли очертания тёмных домов, среди которых то тут то там, словно огни Святого Эльба светились окошки жилых домов – мы достигли Касл-Лея. А через полквартала от первого дома, почти выйдя на дорогу, стоял человек, с поднятым указательным пальцем – международным символом автостопщиков. Весь калейдоскоп происходящих событий замер во мне перед одной единственной мыслью: немедленно остановиться и подобрать путника. Никогда раньше я не замечал в себе такой любви к голосующим, но никогда раньше у меня не было такой попутчицы. Я хотел её, хотел до ужаса, но при этом испытывал подсознательную боязнь ко всему, что она делала. Это почти открытое предложение себя, с такой неземной красотой, выбивало меня из равновесия, балласта всего жизненного опыта и менталитета. Времени на раздумья больше не было, и я принялся тормозить ведя машину к обочине.

В ту же секунду поглаживания возобновились, но теперь в них проскальзывала грубость, нервозность. Пальцы слегка замерли. И с силой вонзились длинными ногтями мне в бедро.

Я закричал, но сквозь крик услышал её спокойный, лишённый всяких эмоций голос:

– Не останавливай.

Трудно сказать, остановился бы я или нет – в тот же миг её рука достигла паха и сжала с невероятной силой. Обладательница же руки добавила:

– Иначе я тебе яйца оторву. – Сквозь собственный стон я расслышал, как она хихикнула.

Тупо соображая, корчась от мучительной боли внизу живота, я всё же вновь посмотрел на неё. Мой стон превратился в хрип, а боль в искаленном фаллосе показалась далёкой и почти приятной. То, что я увидел, повредило моё сознание до самой смерти. Просто потому что этого не могло существовать в нашем мире, поскольку отрицало оплотные основы рационального. ЭТО больше не было прекрасной девушкой. Это был труп старой иссохшей крысы провалявшейся в дорожной канаве месяца два, мозг старой крысы, растаявший в тепле и текущий на кожаное сиденье бледно-зелёной массой, её же вывернутые, переломанные чёрные рёбра, похожие на гниющие прутья забора, торчащие сквозь проеденную паразитами кожу, с которой клочьями сползала грязно-серая шерсть, её остекленевшие глаза (которые, боже ты господи, тоже были серыми), похабно виляющий раздутый красный язык сплошь покрытый жёлтой пеной и раздувшимися гнойниками и длинный жилистый хвост, беспокойно стучащий по коврику для ног. Но вот рука, сжимающая член была не её. Глядя на эту руку, я потерял сознание.

Очнулся всё в той же машине, четверть часа, как указывали часы, спустя.

Мне было восемнадцать, когда я впервые сел за руль, не помню, я говорил уже? К моменту первой встречи с Ноной у меня был полугодовой опыт вождения на машине отца, но в тот роковой день весь мой опыт развеялся словно дым. Я начал работать, первая смена на бензозаправке дяди Дейва, который вовсе не был мне родственником, но любил, когда к нему обращались «дядя», и после бессонных суток сел за руль. Всё бы, наверное, обошлось, если бы в ту декабрьскую ночь 2002-го, очень снежного года, не повалил снег. Видимость быстро упала до нуля и я еле полз по заснеженной трассе. В двух километрах от Касл-Лея снегопад наконец-то закончился и я смог разогнаться до 60 миль в час. Я не знал, что могла делать Нона на дороге в тот ночной час. Возможно, она просто гуляла, наслаждаясь холодным светом звёзд или убегала от кого-то, или манила за собой. Когда она выскочила на дорогу, я даже не заметил её. В лунном свете полотно шоссе сверкало изумрудным светом, а меня неуклонно влекло в сон. Я задремал на секунд шесть, не более, но этого хватило. Очнулся я от глухого удара о капот – не было ни крика, ни единого звука (в отличие от всех этих тупых фильмах, где есть автоаварии), ничего. Глухое БУХ и трепыхание лунного света. Остановившись, выскочил из машины, молясь, чтобы это была всего лишь собака. Я как сумасшедший метался в снегу в поисках тела или какого-нибудь следа. Ничего.

Ужас сменился облегчением, я обернулся к машине... и увидел в лунном свете тёмные пятна. Нагнулся и коснулся их пальцами. Потом очень медленно посмотрел вдоль цепочки тёмных пятен. Никогда не забыть мне того момента; как

дыхание паром вырывалось изо рта, как невдалеке стояла машина, освещающая пустынную дорогу, как осторожно подходил ко рву вдоль обочины.

Дальше – только тьма. Машина, несущаяся в ночи и я, невероятно, почти засыпающий. Дома я рухнул без сил и проспал двенадцать часов. Последующие месяцы я посвятил борьбе с собственной памятью и совестью. Я убеждал себя, что и вправду задремал за рулём и мне приснился жуткий кошмар.

Допустим, я и в самом деле кого-то сбил. Это вполне могла быть крупная крыса, выскочившая из зимней норы за провиантом. Чёрт, это и была крыса!

Самым трудным было избавиться от того образа, что буквально отпечатался на сетчатке глаз – образ заснеженной канавы *и того, что было в ней*. Но я справился даже с этим, как справился со всепоглощающим страхом разоблачения. В те месяцы я боялся как никогда до или после. Боялся, что однажды ко мне постучат и придёт час расплаты. Расплаты не за убийство, а за его сокрытие, за предательство самого себя. Я читал газеты, смотрел новости и ждал, веря, что ничего подобного не может произойти. То раздвоение сознания превратило жизнь в кошмар, захватывающий разум по ночам и настойчиво вызывающий параноидальные образы. Днём я был обычным молодым человеком, днём я себя таковым и чувствовал. Но с криком всякий раз просыпался под утро.

И всё же я справился. Кошмары постепенно начали исходить на убыль, а затем и вовсе не мог вспомнить, что же мне снилось. К марту во мне остались только лёгкие угрызения совести, никак не трогавшие огрубевшую душу. Пока 11 марта я не развернул случайно оказавшуюся под рукой газету.

На обочине найдено тело 17 летней девушки.

Незамысловатая, какая-то сухая статья, написанная бездарным корреспондентом провинциальной газетёнки, пронзило грудь невообразимой болью. Холодная рука сжала сердце, пока читал статью, но когда дочитал последние строчки, глаза на удивление остались сухими. Я прислушивался к новому ощущению холодного равнодушия, медленно приходившему на смену содроганиям совести. Казалось, внутри меня собралась квинтэссенция зимней обречённости. В ту секунду я стал новым человеком.

Я скомкал газету и бросил в мусорное ведро. В душе вспыхнула, к счастью временная, ненависть к этой дурацкой девчонки, так неудачно выбежавшей на проезжую часть.

Ненависть исчезла. Новая мысль проникла в сознание.

Это не та девочка.

Вот так просто. Это была вовсе не она. Я убил крысу. Довольно крупную гадину.

Это всего лишь крыса..

Никто ко мне так и не пришёл. Ещё через полгода всё было забыто.

Пока четверть часа спустя я не открыл глаза в машине несущейся по заснеженной трассе рядом с прекраснейшей девушкой, под оболочкой которой скрывалась разлагающаяся крыса. Мать всех крыс. Я вёл машину даже без сознания, но и всей моей воли не хватало, чтобы остановиться.

– Что тебе надо? – сказал я, не узнавая собственного голоса. Хриплый кашель старика – вот, что я услышал.

– Ничего не забыто, – ответила крыса. Чисто и звонко, как говорят только дети. – А всё, что забыто рано или поздно вернётся.

– Что тебе надо?!

Вместо ответа она коснулась меня своей рукой. Только это, конечно же, должна была быть звериная лапа, а не, чёрт возьми, белая рука молоденькой женщины с ногтями, покрытыми белым лаком. Такая красивая рука очень красивой девушки.

Но на ней уже начали появляться чёрные жёсткие волосы крысы, которые тут же серели и разлагались.

В тот момент я понял, что значит сходить с ума. Ужас, экстаз, боль, восхищение слились воедино. И тогда я перестал мыслить, иначе отстегнул бы ремень безопасности и выпрыгнул бы из машины.

– Тебе нужен я?

– Нет, – улыбнулась она.

Но в её глазах я увидел другое.

И когда она вновь потянулась ко мне, всем телом, точно игривая кошка, желающая приласкаться, я крутанул руль вправо, туда, где над дорогой в свете фар поблескивал указатель поворота.

Вот и всё – я почти закончил. Когда меня нашли в искореженной машине, я был едва живой. И совершенно один. Но так и положено. Я не стал рассказывать им ничего, сказал, что не справился с управлением. Но потом новая мысль завладела сознанием, и я будто бы вспомнил, что со мной была пассажирка. Они сказали, что из искореженной машины не возможно было выбраться. Я ничего не сказал в ответ. Но они нашли того паренька, что ловил попутку на дороге. И он вспомнил, что в пронёсшемся мимо автомобиле был только один человек – водитель. Тогда я впервые пошёл к психиатру.

Несколько лет я убеждал себя, что то был странный феномен утомлённого мозга. Несколько лет убеждали меня.

Но год назад впервые за долгое время пошёл снег. Я сидел в своём кабинете и смотрел на лохматые хлопья, миллиметр за миллиметром погребавшими двор. Где-то там, в ледяном космосе зарождался этот снег, думал я. Там, где его видели только звёзды.

Ко мне забежала моя дочь, просто так, проверить где папа. Она, знаете ли, блондиночка, будущая покорительница многих сердец. Безумна красивая, она ничуть не напоминает свою мать.

Если, конечно, *моя жена была её матерью.*

Смотря на неё, весёло игравшую со щенком Снупи, я понял, кого она мне напоминала.

У неё, знаете ли, серые глаза.

Сомневаюсь, что дети похожи на сны.

Боль, что сильнее физического страдания поражает сердце, когда ты меньше всего её ожидаешь, не так ли?

Она никого так и не полюбила.

Вина и наказание за вину. Не это ли смысл искупления? Но я не мог это сделать, не мог об этом помыслить, и целый год боролся с этой мыслью. Месяц назад я купил дробовик, месяц собирался застрелиться.

Я люблю свою жену, я люблю свою дочь, но это не та любовь, о которой мечтают поэты.

И когда сегодня моя дочь войдёт в кабинет, чтобы поздравить с рождением, я убью её.

Настоящая любовь порождает лишь смерть, а смерть приносит любовь – но обе они лишь лица искупления.

Даниил Божин aka Деймос Стренталл, декабрь 2004.